

Долгая ночь под скорбную мелодию увядшей весны

Куньлуньский раб разрывался между двух огней: с одной стороны — зов божества, занимающего пустующий престол, с другой — инстинктивное желание следовать за Хун Сяо. Он пал на колени перед Се Хуньи, и лицо его исказилось в мучительной гримасе.

Се Хуньи слегка наклонился.

— Не желаешь?

Голос его, хоть и тихий, с лёгкостью пробил защиту Куньлуньского раба.

— Как можно? Госпожа Хун Сяо, если не побрезгуете, раб готов вынести вас на своей спине...

Речь его пресеклась на полуслове. Жилы на лице Куньлуньского раба вздулись, словно невидимая рука схватила его за горло. С небес хлынули алые шёлковые ленты, обвивая его руки. Могучая сила брачных уз, подобно кипящему маслу, обрушилась на него, заставив взреветь.

— Бодхисаттва... Бодхисаттва, прости! Молэ не смеет ослушаться! А-а-а-а!

Очевидно, заметив колебания своего раба, Бодхисаттва Внимающий Небесной Радости не смог больше оставаться в стороне и, не скупясь на божественную силу, решил принудить подданного исполнить брачный обет.

Две непреодолимые силы сошлись в схватке за разум Куньлуньского раба, и Се Хуньи с улыбкой наблюдал за этим поединком.

— Бодхисаттва... Ванцзин... с благоговением взываю...

Этого было мало.

Несмотря на невыносимые страдания Куньлуньского раба, Се Хуньи оказался ещё безжалостнее. Он возложил ладонь ему на лоб, и тонкие рукава Хун Сяо легко коснулись его.

Эта рука, прозрачная, словно выточенная из нефрита, рука бодхисаттвы, сокрытая в клубках алого дыма, источала безграничную злую силу.

Три пальца, поднятые вверх, трижды обратились к сердцу.

Это была клятва, некогда данная Хун Сяо Цуй Шэну: встретиться в нефритовой башне в пятнадцатую ночь третьего и пятого месяцев.

Куньлуньский раб содрогнулся и взревел. Сотня рук за его спиной разорвала несколько слоёв алого шёлка и, истекая кровью, потянулась к нему.

— Госпожа Хун Сяо... если бы госпожа дала мне клятву, раб, не колеблясь, обратился бы в прах!

— В самом деле? — глаза Се Хунъи вспыхнули ледяным огнём. — Молэ, этого всё ещё мало. Ты даже за порог выйти не можешь, а уже хочешь увести меня? Ты ведь предан своему бодхисаттве, так почему же он не дарует тебе больше силы, чтобы ты мог исполнить своё желание?

Он был мастером искушения, и божество, занимающее пустующий престол, не дожидаясь конца его речи, щедро излило свою силу. Из шёлковых лент начала сочиться алая, липкая жидкость.

Пока с одной стороны лилась божественная сила, с другой Куньлуньский раб, с побагровевшим лицом, отчаянно впитывал эту чистейшую энергию. Его сто рук превратились в клешни, высоко подняв бесчисленные знамёна, зонты и прочие свадебные атрибуты. Его фигура постепенно сливалась с образом Бодхисаттвы Внимающего Небесной Радости.

К этому моменту он уже полностью стал аватаром божества, каждое его движение было подчинено воле бодхисаттвы. Сотня рук, размахивая пуповинами вышитых шаров-младенцев, метнула их в сторону окна.

Се Хунъи одним движением вернул серебряный браслет на локоть, изгнав тень Хун Сяо. В его глазах мелькнула ледяная усмешка.

Время пришло.

Наконец-то он клюнул.

Убить бестелесное божество, занимающее пустующий престол, было невероятно сложно. Поэтому он решил действовать от противного — использовать его же злобного духа, чтобы иссушить его до дна!

Всё шло по плану.

Куньлуньский раб взревел, и неистовый жар устремился ввысь. Гости в башне, вторя ему, с воплями бросились друг на друга, сцепившись в звериной схватке. Воздух наполнился оглушительным треском теней.

Фонари погасли.

Фигура Куньлуньского раба снова увеличилась в размерах. Се Хунъи взмахнул запястьем, и могучая тень ворвалась в кровавый дождь из шёлковых лент, приземлившись на золотой барабан.

Бум!

Грохот барабана подобно грому раскатился по залу, и инструменты в руках призрачных музыкантов задрожали в такт.

— Теперь обо мне вспомнил, — произнёс Дань Фэн, зацепив красную нить указательным пальцем. Его глаза слегка прищурились. — Твой тёмный друг от тебя уже натерпелся, теперь моя очередь?

— Бей в барабан, играй музыку, на остальное не обращай внимания, — ответил Се Хунъи.

Божество, занимающее пустующий престол, прямо перед ними, а он говорит не обращать внимания?

Эти слова прозвучали невероятно самонадеянно, но из его уст они лились с холодной, уверенной ясностью, подобной звону нефрита, не терпящей возражений.

Пока он говорил, его пальцы легли на красную нить и начали перебирать её, словно струны. Половина руки Дань Фэна онемела, и он, необъяснимым образом постигнув его замысел, побежал по золотому барабану.

— Се Хунъи, будь моими глазами, и не вздумай умереть!

Золотое сияние Тела Дракона-факела вспыхнуло. Он погрузился в глубочайшую концентрацию, и перед его глазами остались лишь семь заученных им направлений.

Удары по золотому барабану направляли призрачных музыкантов, и мелодия начала меняться.

Пятнадцать шагов на юго-запад, нота «гун».

Три шага вправо, нота «чжи».

Восемь шагов влево, с ноты «юй» на «шан», от лёгкости к тяжести.

Каждая точка опоры исчезала в мгновение ока, а преследование Куньлуньского раба было

неотступным, словно тень. Сотня ладоней обрушилась на него ливнем, превратив его в щепку в бушующем море. Малейшая ошибка — и он обратится в прах.

Но он лишь бежал, даже не думая оборачиваться. Спину он полностью доверил этой красной нити.

Сколько лет у них не было такого слаженного взаимодействия?

Красная нить слегка дрогнула. Он был оборванной струной под пальцами Се Хунъи, извергающей грома и молнии. Он резко развернулся, уклоняясь от пальцев Куньлуньского раба, и, подхваченный порывом ветра, взмыл в воздух.

Мелодия, поначалу неуверенная, постепенно становилась всё более плавной.

Се Хунъи использовал его как фигуру на доске, делая ходы всё быстрее и быстрее в этой смертельной игре. Дань Фэн же превратился в каплю ртути в бушующем море, мерцая и отражаясь в пространстве, сотканном из алого шёлка и золотых барабанов. Его фигура стала почти неразличимой, и лишь раскаты барабанного боя, подобные морскому приборю, сливались с мелодией, льющейся из-под рук музыкантов.

В тот же миг, как полились первые звуки, не только Се Хунъи, но и стоявший неподалёку Лоу Фэйгуан замерли, их глаза слегка расширились.

— До чего знакомая мелодия...

Отвлекаться в такой момент было опасно. Байли Шулин, защитив его духовной травой, отбросила несколько приближающихся ладоней.

— Осторожно! Деревяшка, на что ты смотришь?

— Почему Невеста Ванцзин слушает? — спросил Лоу Фэйгуан.

Тень, следуя за мелодией, вернулась к Башне Юньшао. Словно от какого-то потрясения, центральная фигура начала проявляться всё отчётливее, будто силясь что-то узнать.

Эта простая, народная песня на первый взгляд не представляла собой ничего особенного.

Слушатели пребывали в оцепенении, словно ведомые лишь смутным, пришедшим из другого мира наваждением.

Сердце Байли Шулин дрогнуло. Неужели в этой мелодии скрыты какие-то старые чувства,

способные успокоить Невесту? Если это работает...

Длинный меч в руках Лоу Фэйгуана внезапно задрожал. Его обычно спокойное, почти бесстрастное лицо исказилось, став ужасным, словно у разъярённого леопарда.

— Я вспомнил! Как... как это может быть эта песня?

Ни один заклинатель с духовным корнем ветра не мог остаться равнодушным к этой мелодии.

В ночь гибели Небесной обители Суи, когда город погрузился во тьму и был скован льдом на тысячу ли, Сюэлянь, в знак унижения, играли эту мелодию на руинах дворца. В землях Чанлю не было слышно ни дуновения ветра, лишь эта заунывная песня проникала в уши каждого заклинателя ветра.

Уничтожение клана, гибель города — позор всей жизни, и для этого они использовали весёлую праздничную песню. Как это могло не терзать душу?

После падения земель Чанлю снежная напасть распространилась по всему миру.

С тех пор заклинатели ветра, независимо от своей судьбы, молча хранили эту мелодию в своих сердцах. Любой, кто осмеливался её напеть, был растерзан ветрами. В мире больше не было тех, кто её пел.

Мелодия была лёгкой и нежной, даже пошлой. Те, кто не знал её истории, оставались равнодушны, но для тех, кто знал, она была источником невыносимой ненависти.

Какое утешение могла принести эта песня?

Тень, обхватив голову руками, сильно дрожала, беззвучно крича. Дань Фэн, продолжая свой бег, почувствовал укол боли в сердце. Он не знал всей предыстории, но страдающая тень перед его глазами была точной копией той, что он видел много лет назад.

Несмотря на то, что она овладела злой техникой Переделки Тени и несла на себе бремя кровавых долгов, в самый уязвимый момент она всё равно была лишь хрупкой, одинокой тенью.

Стоило ему отвлечься, как ладонь Куньлуньского раба тут же метнулась к нему. Се Хунъи, дёрнув пальцами, схватил его за ухо и стащил с барабана.

Глаза Дань Фэна вспыхнули огнём, и он издал низкий, звериный рык.

— Что ты делаешь?

— Слишком медленно. Этого мало, — ответил Се Хунъи.

— Эту мелодию он не мог забыть, — сказал Дань Фэн, его взгляд остро метнулся к Се Хунъи. — И откуда ты знаешь, что этого мало?

— Это народная песня из земель Чанлю, её и трёхлетний ребёнок напеть может. Называется «Плач об увядшей весне». А ты носишься с ней, как с сокровищем?

Услышав от него название песни, Дань Фэн почувствовал, как в его сознании всплыло что-то смутное.

Эта песня из Чанлю?

Из девяти земель мира большинство уже пали, и юго-западные земли Чанлю не были исключением. В его памяти остался лишь холодный, заснеженный образ. Но сейчас этот образ был потревожен, и что-то давно забытое зашевелилось под снегом.

Не только в легендах и слухах.

«Кажется, я был в Чанлю. Неудивительно, что я тогда ни с того ни с сего начал насвистывать эту мелодию».

С кем я туда ходил? Какого демона изгнал? Кого встретил? Почему я ничего не помню? Даже если всё это стёрлось, легендарный дворец Чанлю с его изумрудными занавесами и облачными ширмами, величайшее зрелище в мире, я должен был запомнить. Почему, кроме этой навязчивой мелодии, всё остальное кажется таким нереальным?

Неужели я уже тогда видел тень... Почему я совсем этого не помню?

— Сейчас не время для сантиментов. Мне нужна Иллюзия из плоти и крови! — холодно бросил Се Хунъи.

Дань Фэн, не оборачиваясь, снова запрыгнул на золотой барабан.

— Я боюсь, ты не выдержишь, — сказал он.

Се Хунъи не оценил его заботы, и тогда он прибег к самому простому и грубому методу.

Чтобы спровоцировать Иллюзию из плоти и крови, было два пути: либо разозлить тень «Плачем об увядшей весне», либо нарушить запрет на огонь и зажечь пламя!

Он изменил ритм, и звуки, наполнявшие башню, стали мощными и трагичными, словно они долго копились в огненных недрах земли и вот-вот должны были вырваться наружу.

Песнь бога огня, скорбящего о солнце.

Эта мелодия пришла из Обители Сихэ, и в ней была заключена чистейшая энергия ян. Все кланы с духовным корнем огня, когда им нужно было возжечь пламя, били в великие барабаны Чжужуна, днём и ночью исполняя эту песнь.

Назвать это мелодией было сложно. Звуки, способные плавить золото и железо, были настолько яростными, что выдержать их могли лишь обладатели духовного корня огня. А в исполнении Дань Фэна они были подобны огненному шквалу, обрушивающемуся на слушателей.

Се Хунъи содрогнулся и, мёртвой хваткой вцепившись в стол, всё же рухнул на колени под натиском всепоглощающей боли. Его лицо залил гневный румянец.

Даже зная, что Дань Фэн так поступит, он не смог побороть инстинктивный ужас подстреленной птицы.

Огненное море... слишком жарко... достаточно, чтобы утонуть и тут же испариться... каждая частица плоти и костей плавится... почему в мире существует такая мерзость!

За несколько мгновений его одежда промокла от пота. Изувеченные меридианы и даньтянь бешено сокращались, всё ещё храня в себе тень давней раны. Пять пальцев, упирившихся в землю, непрерывно сводило судорогой.

Звезда бедствий!

Реакция тени была ещё сильнее. Она вспыхнула в воздухе ярким алым светом, сжимаясь и уплотняясь, и издала ужасающий звук, подобный взрыву печи.

Иллюзия из плоти и крови вот-вот должна была активироваться.

Тень всё ещё билась в агонии, но он, благодаря этим рукам, обрёл силу сокрушить кошмар.

Лицо Се Хунъи стало бледным, как увядший цветок персика, но в его глазах вспыхнул холодный огонь. Он резко вскинул руки, и Кольца из кости, рождающей ветер, на его локтях взорвались ослепительным светом.

Мощнейший поток изначальной силы духовного корня ветра хлынул из серебряных браслетов в его ослабленные меридианы, и тут же раздался тихий треск.

Дань Фэн мгновенно уловил этот звук.

— Се Хунъи, что ты делаешь? Жить надоело? — крикнул он.

Как Дань Фэн был обречён сыграть песнь бога огня, так и слабая связь красной нити не могла изменить их волю.

Применив силу ветра, Се Хунъи почувствовал, как стеклянная игла в его шее разлетелась на осколки, и холодный яд начал быстро распространяться по телу. Но он не колебался.

Это был его единственный шанс нанести удар этой ночью.

После того как тень выйдет из-под контроля, это будет последняя капля силы, которую он сможет использовать.

Несмотря на такую отчаянную ставку, его сердце билось на удивление спокойно.

Ещё когда он направлял Дань Фэна, уклоняясь от атак, он запомнил траекторию движения каждой руки Куньлуньского раба. Сейчас он, проведя пальцами по воздуху, словно по струнам, вызвал бесконечный поток кристально чистых, пронзительных воздушных потоков, которые заставили всю башню качаться, как в шторм. Каждая ветряная стрела, с пронзительным воем, рассекающим ночную тьму, устремилась к сотне рук Куньлуньского раба!

Золотые кольца на его руках одновременно разлетелись на куски. Ветряные стрелы, увлекая за собой потоки крови, подобно бесчисленным алым наконечникам, пригвоздили их к стенам башни.

Беда с божеством, занимающим пустующий престол, началась из-за него, и он же должен был её закончить. Сегодня, силой призраков и богов, он превратился в гигантский зонт, укрывший всю башню.

В то же время, сокрушительный удар Иллюзии из плоти и крови обрушился с потолка.

Бум!

И тут его план, подобно костяшкам домино, пришёл в движение.

Первый ход: вернуть тень форме.

С активацией Иллюзии из плоти и крови, тени, насильно отнятые у людей, как самые лёгкие, тут же вырвались наружу и устремились к своим телам. Башню наполнили возгласы удивления

— это были только что очнувшиеся заклинатели.

Не успев прийти в себя, они с ужасом уставились в сторону окна. Чёрные тени, некогда бывшие павильонами и башнями, устремились к Башне Юньшао и снесли добрую половину крыши.

Сотня рук Молэ, закрывавшая небо, под натиском теневого потока странным образом вытянулась. Его тело, хоть и было крепким, как камень, не могло противостоять мощи запретной техники. Через мгновение оно начало рассыпаться в пыль.

Второй ход: изгнать духа, оставив тень!

Эта гораподобная тень-призрак внезапно стала расплывчатой. Бумажная фигурка Куньлуньского раба с красной нитью, плавно кружась, опустилась в ладонь Се Хунъи.

С уничтожением аватара Бодхисаттва Внимающий Небесной Радости должен был понести тяжёлый урон. И действительно, шесть глаз бодхисаттвы появились на краю неба, все они были устремлены на Се Хунъи. Десятки тысяч призраков под его тронном взвыли — это был знак того, что божество, занимающее пустующий престол, начало свою кровавую жатву.

— Что ж, раз вы не хотите быть гостями, то сегодня весь город станет кровавой трапезой!

Лицо Се Хунъи было мертвенно-бледным, но на его губах играла лёгкая холодная усмешка.

— Кровавой трапезой? Ты не достоин даже одной палочки благовоний в этом мире.

Партия разыгрывалась на двух досках: одна — с призраками и богами, другая — с простыми смертными.

Он заставил Куньлуньского раба постоянно выкачивать божественную силу, чтобы в итоге уничтожить их обоих. Мощь Иллюзии из плоти и крови, пройдя сквозь этот гигантский зонтик, ослабла, и хоть и оставалась опасной, но уже не была смертельной. Заклинатели поспешно воздвигли различные защитные формации, поддерживая друг друга.

Последняя волна удара была уже близко.

Дань Фэн тоже поднял голову. Сцена извержения чёрного тумана была точь-в-точь как в его кошмаре, и в его ало-золотых глазах вспыхнул кровавый свет.

Иллюзия из плоти и крови.

Он впервые так ясно видел весь процесс её активации, видел, как тени отделяются от тел, становятся твёрдыми, как мечи, и устремляются к нему.

Эта сцена, казалось, длилась вечность, но на самом деле прошла всего лишь за мгновение. Его сердце сжалось от боли, словно за его спиной снова стояли его ученики и соратники. Их молодые лица, которые он не успел разглядеть, растворились, как дым, и алая пыль, подобная румянам, оседала на нём.

Руки, которые не удержать, люди, которых не спасти.

Его тело, казалось, действовало по своей воле. Грудь была наполнена остывшим и застывшим чугуном. Он схватил золотой барабан, подпрыгнул и бросился навстречу обрушивающейся крыше.

Золотой барабан, словно оловянная фольга в огне, мгновенно расплавился. Его остатки, вместе с вихрем теней, обрушились на Дань Фэна. В тот миг он словно оказался в аду Авичи. Невыносимая боль пронзила его, и всё его тело засветилось расплавленным золотом.

Хоть он и отчаянно пытался сдержать запретную технику, Башня Юньшао уже не выдерживала. Восемь гигантских колонн одновременно треснули, и всё, что было в башне, словно вихрь из лезвий, обрушилось на людей.

Лицо Дань Фэна исказилось.

— Башня рушится, бегите! — крикнул он.

— Осторожно, карнизы! Впереди трещины, ставьте земляную формацию!

— Мой младший брат! Он ещё в башне!

— Не оборачивайся, опасно!

Се Хунъи взмахнул рукой, и по башне пронёсся лёгкий ветерок, выталкивая людей к дверям и окнам.

Безжалостный ветерок тут же рассеялся.

Его тело было подобно изношенной одежде. Сила ветра, насильно влитая в него серебряными браслетами, иссякала, и в мгновение ока он её лишился. Дар почтенного был лишь иллюзией, а то, что действительно принадлежало ему — это одинокая тень и сила, обретённая через тысячи мук.

Третий ход.

После активации Иллюзии из плоти и крови безумие тени ослабло, и он уже мог с ней справиться. Время вернуть тень пришло, если бы не эта пронзительная красная нить на его запястье.

Бешеное сердцебиение Дань Фэна доносилось с другого конца нити.

По сравнению с грохотом барабана, этот звук был другой, невыразимой мукой.

Се Хунъи нахмурился и, следуя за звуком, поднял голову. Он не успел найти Дань Фэна, как башню снова окутала тьма.

Восемь сломанных колонн, ведомые невидимой силой, устремились к нему! Стоило их энергии коснуться его лица, как он выплюнул полный рот крови. В крови были мелкие кристаллики льда — очевидно, его внутренние органы быстро замерзли от яда.

Сюэлянь ненавидели его до глубины души, божество, занимающее пустующий престол, хотело лишь его смерти, и даже Дань Фэн, находящийся на расстоянии вытянутой руки, источал в своём сердцебиении лишь яростный огонь ненависти и...

Сердцебиение было совсем рядом.

Фигура метнулась к нему. Яростное золотое сияние Тела Дракона-факела окутало его, и на мгновение он словно оказался в огненном море.

Громоподобное сердцебиение.

Бум-бум-бум!

Восемь колонн, словно наткнувшись на безмолвную гору, не причинили Се Хунъи ни малейшего вреда.

Дань Фэн не смотрел на него. Его челюсть, повёрнутая вполоборота, была напряжена до предела. Это было привычное движение, когда он стискивал зубы — предвестник гнева.

Щёлк.

Жемчужина, конденсирующая снег, разлетелась на осколки между его зубами. Дань Фэн взмахнул рукой, и клинок Фэнъе, сверкнув, вернул восемь колонн на их прежнее место. Это была лишь видимость, но она позволила отсрочить обрушение башни.

— Призрачный бодхисаттва, — под защитой Тела Дракона-факела произнёс Дань Фэн медленным, ледяным тоном. — Торопись разрушить башню, сбежать хочешь?

Бодхисаттва Внимающий Небесной Радости, глядя сверху вниз, рассмеялся смехом, полным ненависти. Его лицо было скрыто за пеленой холодного алого тумана.

— Мир полон глупых влюблённых и обиженных женщин... Ха-ха, забавно, забавно! Ты знаешь, кто он?

— Не твоё дело, — ответил Дань Фэн.

Хоть он и защищал его своим телом, его левая рука мёртвой хваткой сжимала плечо Се Хуньи. Мышцы на его руке вздулись, и под действием исходящего от него жара стали подобны раскалённому железу.

Прикосновение кожи к коже мгновенно пробудило в Се Хуньи самые тёмные воспоминания и постыдные инстинкты, запечатлённые глубоко в его теле. Он сильно содрогнулся и сумел вырваться на полдьюма из тисков Дань Фэна, но тот тут же схватил его за серебряный браслет и снова втянул в огненное сияние тела-дракона.

— Жить надоело, куда бежишь?

Се Хуньи не успел ответить. Его грудь сильно вздымалась, и с ужасающим треском льда он снова выплюнул полный рот крови с ледяными осколками.

Лицо Дань Фэна изменилось. Золотое сияние тела-дракона на мгновение ослабло, и он резко прижал руку к его затылку.

Стоило яду чумы попасть в меридианы, он растекался по ним, как сотня рек, и остановить его было нелегко. Коснувшись скрытой под одеждой кожи, Дань Фэн почувствовал, что она холодна, как нефрит.

Он сложил пальцы, как лезвие, и только собрался провести по самому холодному меридиану, как тот, тяжело дыша, повернул к нему голову. В его глазах не было и тени благодарности, лишь кипящая ярость.

— Не трогай меня!

— Какая неблагодарность. Ты же терпел до сих пор, не так ли? — как ребёнка, уговаривал его Дань Фэн. — Потерпи ещё немного, слушайся.

Се Хуньи с силой зажмурился. Он пытался сдержать вздымающуюся грудь, но мелкая дрожь в

спине всё ещё не унималась. Дань Фэн не то чтобы хотел выслужиться. Он схватил катавшуюся по полу чашу и швырнул её в сторону.

Чаша точно попала в запястье Лоу Фэйгуана, пробив слабое место в его ветряном барьере. Байли Шулин вскрикнула и, схватившись за ушибленный лоб, обернулась. Стоявший рядом с ней Байли Шу поймал падающую чашу и настороженно посмотрел в их сторону.

Сквозь расплывчатую фигуру Дань Фэна троица увидела лежащего на земле Се Хунъи.

— Градоначальник Се, что с вами? — спросила Байли Шулин.

Дань Фэн усмехнулся и, опустив голову, сказал:

— Се Хунъи, твои новые друзья пришли. Ты ведь этого ждал, да?

Се Хунъи схватил его за воротник и, притянув к себе, прошептал на ухо:

— Лучше посмотри на злую судьбу над головой.

Его дыхание было ледяным, и, коснувшись уха Дань Фэна, заставило того незаметно прищуриться.

— Ты не хочешь выходить из башни, значит, ещё не всё использовал.

— Уничтожить все свадебные атрибуты в городе, обратить удачу в несчастье, прервать жертвоприношения, убить! — сказал Се Хунъи.

Дыхание в его горле иссякало, и эти слова, лёгкие, как шёпот, были полны неоспоримой жажды убийства.

<http://bllate.org/book/16978/1586711>